

ИРИНА КАЛИТИНА

ПИСЬМО СВЯЩЕННИКУ

16+

Ирина Калитина

Письмо священнику

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38983002

SelfPub; 2021

Аннотация

Женщина, наказанная в детстве за попытку украсть пустяковый предмет, рассказывает в письме к священнику, как обстоятельства заставили ее нарушать закон.

Содержание

Грех первый	6
Другие времена	9
Два кладбища, завод, директор	11
Липовая печать, обналичка, откат	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ирина Калитина

Письмо священнику

Многоуважаемый отец Иоанн, несколько слов о том, почему отправляю Вам это письмо.

Напоминаю: последняя суббота прошлого месяца, шикарная гостиная с французскими окнами за изящными шторами, персидский ковёр, камин облицованный изразцами ручной работы, испанские диваны и кресла. Погрузившись в них, компания немолодых людей слушает Вас, нашего Пастыря.

Я сидела справа от хозяина дома, рядом с Матушкой, лёгкой и светящейся изнутри, шёпотом, успокаивающей замечательно здоровеньких и жизнерадостных детишек.

Смиренная Ваша доброжелательность, «бархатный» голос, искреннее желание прийти на помощь тронули собравшихся.

– Каждый смертный, рано или поздно, оказывается перед потребностью очиститься от грехов, – всё ещё стучало у меня в висках, когда вернулась домой, – в Новом Завете сказано: «Грех есть беззаконие» ...

На седьмом десятке лет не пора ли подумать о покаянии?

Перед экраном ноутбука удостоверилась, что ни одной из десяти заповедей не забыла, принялась вспоминать, которую из них нарушала особенно часто.

Получилось, что восьмую: «не укради».

Не странно ли для дамы с высшим образованием, имеющей большой стаж работы, хорошую семью, порядочных друзей?

День за днём пришлось восстанавливать в памяти и переносить в компьютер события лет, о которых, не знаю точно, хотела бы забыть, или, наоборот, отчётливо помнить.

Написанное разделила на эпизоды, первый относится к раннему детству.

Если у Вас достаточно будет терпения дочитать письмо, в конце найдёте вопросы, на который прошу дать ответ.

Адрес электронной почты взяла с сайта храма, настоятелем которого Вы являетесь.

Грех первый

С восьмой заповедью внутри, батюшка, мне не суждено было родиться. В далёкие времена, когда я была маленькой, истину «не укради» вводили детям не через голову, а с противоположной стороны.

Вот, как это случилось со мной.

Отмечали какой-то праздник у маминого брата. Шумные тосты, звон рюмок. Взрослые усадили меня в кабинете за письменный стол, покрытой зелёным сукном, велели рисовать портрет упитанного пожилого кота Василия, моего любимца. Увы, он не отвечал мне взаимностью и предпочитал отсиживаться на высоком книжном шкафу, как только я переступала порог этой квартиры.

С венского стула на столешницу я переместила толстоватую, в те времена, попу, чтобы не только глазами, но и руками исследовать все предметы: чернильницу, в виде фарфорового, полусидящего на маленьком диванчике, Пушкина, старинную настольную лампу с треснувшим стеклянным абажуром, стопку атласов города, страны и мира, керамический стакан с карандашами.

Потрогала всё, полистала картинки загадочных стран, опробовала на чистых листах бумаги, как рисуют остро заточенные карандаши, убедилась на нескольких примерах, что, если сильно нажимать, грифель ломается. Тут-то и попал-

ся в руки незнакомый предмет, пришлось криком призвать взрослых. Меня сняли со стола и показали, как пользоваться «открытием».

Вещь, похожая на маленький брусок, потрясла начинающего художника. Оказалось, с помощью этой штуки отпала надобность рисовать новое изображение Василия, после того, как испортила предыдущее. Теперь его можно было исправлять! Это была, всего на всего, стирательная резинка, ластик, до той поры мне неизвестная.

Жёлтые глаза кота, не отрываясь, наблюдали за источником беспокойства, будто бы он позировал. Качество портрета не предполагаю обсуждать, речь пойдёт о резинке, которую положила в карман платица, когда мама велела собираться домой.

Не набравшись, ещё, опыта в «злодеяниях» различного рода, забыла о ней напрочь. Дома мама помогала раздеться перед сном, и «сокровище» выпало на пол. Подняв резинку, вспомнив эмоции по её поводу, мама всё поняла, и с помощью ремня объяснила, что чужое брать нельзя. Прибегала к этому способу воспитания она довольно редко, но получилось так доходчиво, что, клянусь, много лет о каком-то приязании на то, что мне не принадлежит, не помышляла. Заповедь эта крепко засела в голове, хотя, о религии в то время не думала.

Что же должно было произойти, батюшка, если после многих лет, почти, праведной жизни пришлось изменить

своим принципам?

Другие времена

В квартире холодно, в холодильнике пусто, кадык мужа выпирает на удлинившейся шее.

Если сэкономить на лекарствах, умрут старушки: мама и её старшая сестра, если отправить дочерей-студенток работать, единственное достойно оплачиваемое место – «панель». Ни на пенсию, ни на стипендию прожить невозможно. Где взять деньги?

На столе чай, булка и варенье из морошки, собирали на болоте. Нужно заметить, мы не фанаты вегетарианских диет.

У меня на предприятии зарплату задерживают. Филиал фирмы, где трудился муж, принадлежал Эстонии и отпал вместе с ней.

С жителями страны приключилась метаморфоза: заповедей больше не соблюдают, нарушают не только «не укради», но, даже, «не убий».

Обстановка такая, что мы не обсуждаем, как взять банк, по единственной причине: считаем, что каждым делом должны заниматься профессионалы. Мою инициативу в этом направлении мама подавила в пятилетнем возрасте. Наши специальности из других областей и больше не востребованы.

Звонок телефона, снимаю трубку, незнакомый женский голос ссылается на имя человека, с которым сталкивалась по службе. Предлагает работу, зарплату. Трудно поверить.

– Куда приехать?

– На завод.

Сообщает адрес. Другой конец города, более часа езды.

Впрочем, в данных условиях это значения не имеет.

Два кладбища, завод, директор

Дребезжащий троллейбус, таких не встретишь в центре города, развозит пассажиров от метро по городским окраинам, где туристских маршрутов не проложено. За кованой оградой – поваленные кресты, разрушенные могилы, присыпанные снегом, последнее прибежище горожан. Миновали, подпрыгнув на сидениях, рельсы, то ли брошенные, то ли редко используемые, и выехали на улицы промышленной зоны.

Грязные бетонные заборы с неприличными надписями, погнутые ворота, фасады зданий с чёрными окнами. Территория кладбища производств – много больше, чем кладбище людей.

Выхожу на четвёртой остановке. Забор, ворота, беспородная собака ждёт подаяния, кончики ушей упали вперёд, окрасом напоминает овчарку, один бок измазан соляжкой или мазутом. Обхожу нищего в собачей шкуре, попадаю в маленькую проходную.

Пожилой охранник в тулупе, распадающейся шапке-ушанке и перчатках, обрезанных на кончиках пальцев, похожий на только что встреченного пса, переносит данные из паспорта в журнал, звонит по телефону. Меня встретят. Ступаю на территорию.

Красно-чёрные кирпичи здания отсырели и крошатся.

Окна третьего, последнего этажа закрыты сосульками, окна первого погружены в сугробы. Круто, даже, для тех лет коммунальной анархии. Кое-где, клубится пар. Завод, значит, живой.

Сильное впечатление производит широкая неровная трещина в стене, образованная разъехавшимися кирпичами, тянущаяся от сугроба до сосулк. На пути её три окна, одно над другим, рамы перекошились, створки не помещаются в проёмы, и, лишь прикрывают их. Интересно, кто там работает в мороз?

Навстречу выходит женщина, начальник отдела кадров, в пуховом платке и поношенном ватнике, улыбается ласково. Лет, вероятно, сколько и мне. В здании она красиво скидывает платок на плечи, встряхивает головой, замечаю в ушах дорогие серьги из красного золота, кажется, с изумрудами, они подходят к карим глазам с зеленоватым вкраплением и модной стрижке на каштановых волосах, но нелепо выглядят на фоне грубого ватника.

Снимать дублёнку не рекомендует, в помещениях завода прохладно. Виноваты трубы на чердаке, покрытие их сгнило, тепло уходит вверх, обогревая кровлю, в радиаторы кабинетов и цехов вода поступает, почти, холодной.

«Тубы, разумеется, виноваты... Зачем пригласили, если нет средств на отопление предприятия? Как быть с трещиной? Кто трудится в помещениях с незакрытыми окнами?» – сплошные вопросы.

Поднимаемся на третий этаж. Широкий коридор, люди в толстых свитерах ручной вязки или в ватниках, как геологи зимой в советских фильмах про тайгу, только возраст у них такой, что искать полезные ископаемые вряд ли смогли бы. Приятная дама, проводив меня до приёмной директора, кокетливо прощается и исчезает.

В приёмной тепло – электрический конвектор, скидываю дублёнку. Минут пятнадцать ожидания. К секретарю заходят работники с вопросами, каждый из которых всё более проясняет состояние завода. Приглашают в кабинет.

Директор похож на крысу-кучера из старого кинофильма «Золушка», но в очках, крупный, имеющий приличную полноту в области живота и зада, и большой нос, сужающийся к кончику. Гладкие волосы, залысины – от висков. Знакомимся.

Чувствую, что напрасно тащилась в эту «тмутаракань».

Кучер в очках и современном костюме приглашает меня за стол для посетителей, торцом приставленный к его, усаживается сам. Секретарь приносит кофе, нужно заметить, высококачественный. Узнаю, кто рекомендовал меня. За работу на прежнем месте краснеть не приходится, слышу, что на заводе проблемы с бухгалтерией.

«Не только с бухгалтерией», – хочется возразить, но жду, что последует дальше.

Учёт ведётся плохо, директор хочет перевести его на компьютер, спрашивает, сколько мне понадобится времени для

этого и цену.

«Он не шутит?»

А вслух:

– Год.

Слишком короткий срок, но, если работы «хозяину» покажутся затянутыми, договор может сорваться, озвучиваю ориентировочную сумму, там не только моя зарплата, но и программистов с прежнего места работы, которых собираюсь привлечь. Трещина – трещиной, но придётся рискнуть.

А далее слышу фразу, с которой, батюшка, начались нарушения мной закона не только Божьего, но и уголовного.

– Согласен, только, найдите какую-нибудь печать, нужна для выплаты вам, как организации, сумм через кассу и договоритесь с обналичивающей фирмой, иногда придётся посылать деньги в банк. Составьте договор у главного бухгалтера, получите аванс.

– Простите, – глупая и честная (ах, мама), я должна довести до сведения заказчика ещё одну статью затрат, договор может не состояться, но взять деньги, не выяснив главного, не могу, – Вы понимаете, что на каждое рабочее место бухгалтера потребуется персональный компьютер и принтер?

– Да, да, свяжетесь с отделом снабжения, укажете, где купить, и оговорите смету с главным бухгалтером.

«Пообещали, не значит, дали», – ищу, потревоженная, другой кабинет.

Липовая печать, обналичка, откат

Работает масляный радиатор. За столом женщина, довольно полная, лет сорока, в трикотажном, чёрном, припахивающим нафталином, платье. На плечи накинута серая кофта из деревенской колючей пряжи. Тёмно-русые волосы завиты, торчат, неживые, как пружинки. Ей бы на грядке стоять, распугивать птиц. Зовут – Евлампия Сидоровна.

«Есть ли в городе ещё один подобный главный бухгалтер?» – едва сдерживаю улыбку.

Знакомимся. Евлампия Сидоровна – бывший расчётчик зарплаты в зверосовхозе, имела хороший дом и огород. Значит, насчёт грядок я не ошиблась. Совхоз разорился, она с мужем и детьми переехала в пригород, в строение, похожее на сарай. Всё лето муж готовил жилище к зиме, она окончила курсы главных бухгалтеров и устроилась на этот завод. Без опыта работы в другие места не брали, а здесь зарплата очень низкая.

Объясняю суть соглашения, спрашиваю, есть ли замечания. Она меня немного боится, просит самой сформулировать положения договора, понимаю, что излагать мысли на бумаге не привыкла, прошу составить смету.

Пухлая рука с толстым обручальным кольцом опускается на клавиши калькулятора. «В слепую», как у пианиста, исполняющего виртуозную пьесу, бегают пальцы по кнопкам

во время разговора, полученные цифры записывает на бумаге и передаёт мне.

– Вы уверены, что не ошиблись? – спрашиваю, ошеломлённая, скоростью работы и способностью выполнять несколько дел одновременно.

– Да.

Дома проверила смету, ошибок не было. «Высший пилотаж», работает на калькуляторе быстрее, чем считает компьютер!

Получаю в кассе аванс за первый этап работ. Свершилось! Часть денег, в кабинете, возвращаю главному бухгалтеру. Без её деятельного участия мне не справиться. Она смотрит испуганно, губы беззвучно складывают слово:

– Спасибо.

Есть друг и соратник для работы!

Впереди много срочных дел.

На территории рынка, в маленьком помещении с дешёвыми обоями и кафельной печкой, бывшей жилой комнате, где пахнет золой и клеем, заказываю печать мифической фирмы с названием «Авангард», придумала, пока ехала в метро. По всему видно, «контора» эта, как и «Авангард», не существует для налоговых инспекторов.

Вечером договариваюсь с программистами.

Созваниваюсь со старинным приятелем, ему, после нескольких лет работы главным конструктором оружия, предложили возглавить одно из отделений банка, недавно

организованного руководителями Военно-промышленного комплекса. Обещает «связать» меня с человеком, занимающимся, вместе с ним «обналичкой», говорит с домашнего телефона шёпотом, иносказательно, но я понимаю его.

Покупаю курицу и лекарства, еду к маме и тёте, готовлю наваристый бульон с лапшой. В коммунальной квартире запахло хорошей едой, стало уютней, даже, теплей. Вечером у мамы случился приступ печени, а у тётки – понос, старушки давно не пробовали полноценной пищи, возможно, она им больше не нужна. Родились перед революцией, росли во время разрухи и голода, выросли в период неудачной коллективизации, дальше война, блокада, потом, снова, разруха и социалистический дефицит. Их жизнь – сплошной пост, бабюшка, кроме полного отсутствия еды во время осады города. За восемьдесят лет так и не успели, как следует, поесть. Теперь вопрос полноценного питания отпал.

Отсчитываю деньги дочерям на самое необходимое. Остётся меньше, чем надлежит истратить на программистов, необходимо найти дополнительные суммы. В голове искра: «Счёт на закупку компьютеров».

Захожу в цифровой магазин, там чеки и кассы, договориться не получится.

По рекламным газетам, валяющимся в почтовых ящиках и у станции метро, нахожу адреса фирм, торгующих компьютерной техникой «по безналу». Заглядываю в ту, что недалеко от моего дома. Знакомлюсь с продавцом, вёртким темно-

волосым молодым человеком с большим здравым смыслом в глазах, хорошо одетым, причёсанным в парикмахерской. На лбу капельки пота от необходимости постоянно крутиться между покупателями и хозяевами, готов отдать «откат», если появится заказ на партию товара. У программистов я уже узнала, какие комплектующие можно заменить, чтобы понизить цену «компов», не изменив существенно качества. Разница тоже пойдёт в «откат».

На следующий день я снова в здании с треснувшей стеной и гигантскими сосульками, передаю в отдел снабжения счета.

Недели через полторы технику привозят на завод. Подключаю к сети, собираю испуганных бухгалтерш в ватниках, пуховых платках, медленнодвигающихся, с застывшими пальцами и закоченевшими мыслями. Нужно обучить их работе с мышкой, клавиатурой, ознакомить с интерфейсом. Они смотрят со страхом то на меня, то на будущее средство их труда, надеялись до самой старости дремать около калькуляторов и деревянных счётов.

Прошу сесть за компьютер. Выдвигается вперёд женщина, лет тридцати пяти, взгляд – подозрительно преданный. Не люблю, когда люди вместо добросовестной работы пытаются услужить.

– Можно я буду записывать? – спрашивает энтузиастка.

Поясняю, что подготовила для каждого инструкцию, распечатанную на бумаге.

– Но я хочу записывать!

– Хорошо, садитесь, вот здесь, – поддвигаю ей стул, – чтобы было удобно.

Женщина садится, вытаскивает из пачки чистый лист бумаги, и аккуратно, каллиграфическим почерком, очень медленно, все стоят и ждут, выводит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.